

Шан Синьюэ лежал на боку, прижатый к земле. Каблук туфли в стиле Мэри-Джейн плотно впечатался в его левую щеку. В уголках его глаз всё ещё теплилась улыбка, но он замер, словно совершенно не ожидая, что Цзян Цы решится на такой поступок.

Цзян Цы, охваченный злорадным восторгом, едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос.

Звук удара был отчетливым, сцена — почти сюрреалистичной. Телохранители, стоявшие за спиной Шан Синьюэ, поспешно зажмурились, делая вид, что ничего не видят. Да и кто посмеет послушаться приказа молодого господина не вмешиваться и даже не смотреть в ту сторону?

Услышав сдавленный смешок, Шан Синьюэ покосился в сторону Цзян Цы. В его взгляде не было ни капли тепла. Цзян Цы вздрогнул, и только теперь, с опозданием, его охватил страх. Он инстинктивно отдернул руки, но про ногу совсем забыл.

Шан Синьюэ, конечно, не был таким фанатом насилия, как Му Вэньчжо, но и терпеть подобные унижения он не собирался.

Цзян Цы занервничал. Вокруг царила давящая тишина, и он начал медленно отводить ногу назад.

В этот момент чья-то ладонь намертво вцепилась ему в лодыжку. Рука была широкой, хватка — стальной; пошевелиться стало невозможно.

Шан Синьюэ сейчас выйдет из себя!

Цзян Цы в ужасе взглянул на странных телохранителей: каждый из них был настоящим атлетом, способным одним ударом отправить его в полет. Цзян Цы сглотнул, давая себе слово: если они посмеют прикоснуться к нему, он без всякого стыда начнет вопить о помощи.

— Нога не болит? А силы у тебя хоть отбавляй, — голос Шан Синьюэ звучал мягко, почти ласково, словно он боялся напугать собеседника. — Гнев прошел? Если нет, можешь пнуть меня и по другой щеке.

Шан Синьюэ, чье лицо было прижато к подошве, слегка пошевелился. Он не убрал голову, а, наоборот, повернулся так, чтобы прижаться к туфле всей щекой. На его лице по-прежнему играла улыбка, от которой у Цзян Цы по спине побежали мурашки.

— Не надо!

Да это же чистокровный мазохист!

Цзян Цы попытался выдернуть ногу, но хватка была железной. Лодыжку обжигала горячая ладонь, и Цзян Цы не понимал, как человеческое тело может быть таким раскаленным.

— Ты наверняка всё еще злишься, — Шан Синьюэ повернул голову, открывая лицо. На левой щеке отчетливо алел глубокий след от подошвы, а родинка под глазом покраснела от давления.

Цзян Цы с ужасом наблюдал, как тот зубами подцепил ремешок туфли и принялся методично расстегивать его. Через мгновение туфля соскользнула с ноги и с глухим стуком упала на землю.

— В качестве извинения за мою дерзость позволь мне сделать тебе массаж стоп.

Говоря это, Шан Синьюэ взял в рот кончики пальцев ноги Цзян Цы. Влажное, обжигающее тепло разлилось по всему телу. Цзян Цы остолбенел: он впервые столкнулся с таким уровнем извращенности, который пробил все его психологические барьеры.

Шея Цзян Цы от нахлынувших эмоций залилась краской, словно белый нефрит, на который пролили лучшие румяна.

В голове у Цзян Цы билась лишь одна мысль: почему у него, черт возьми, нет грибка на ногах?!

Кое-как отделавшись от Шан Синьюэ, Цзян Цы, не забывший о цели своего выхода в город, принял душ и, отбросив брезгливость, бросился проверять телефон.

Проигнорировав десятки сообщений, он сразу перешел в групповой чат. Там было подозрительно тихо... как бы не так.

За несколько часов накопилось больше тысячи сообщений. Цзян Цы пролистал наверх и увидел, как какой-то любитель сплетен пишет, что молодой господин Му, дескать, охладел к Сюй Цэню из-за того, что занят поисками некоего человека.

Это сообщение взорвало чат — «молчуны» тут же вылезли наружу, требуя подробностей.

Сердце Цзян Цы забило в бешеном ритме. Звучит так двусмысленно, но на деле Му Вэньжо просто собирается свести с ним счеты! Нужно держаться подальше от мест, где тот часто бывает.

Болтовня об этом продолжалась больше часа. Когда же разговор перешел на привычные насмешки в адрес самого Цзян Цы, внезапно объявился Шан Синьюэ.

Он заявил, чтобы никто не смел при нем оскорблять Цзян Цы, иначе они узнают, на что он способен.

После этого сообщения в чате воцарилась минутная тишина, прежде чем кто-то нерешительно спросил:

— Брат Синьюэ, ты что, сменил цель?

— Какая еще смена цели? Разве Сюй Цэнь достоин того, чтобы его сравнивали с ним?

Короткий и пренебрежительный ответ Шан Синьюэ взорвал группу.

Цзян Цы по ту сторону экрана тоже был в ярости. Ну и ну, хорош Шан Синьюэ! Затеял недоброе!

Только-только всё улеглось, как Шан Синьюэ одной фразой снова подлил масла в огонь. На словах извиняется, а сам на каждом шагу навлекает на него ненависть окружающих.

Эту обиду он запомнит!

Секундой позже пришло новое сообщение от Шан Синьюэ — фотография приглашения на аукцион и свежий снимок дома семьи Цзян.

Дом Цзян — вот он, проблеск надежды на завершение миссии. Цзян Цы решил, что с мостью можно повременить.

Взглянув на часы, он переоделся в самую приличную одежду, натянул маску и отправился к тюрьме. Путь был неблизкий, пришлось брать такси. Водитель оказался разговорчивым мужчиной средних лет и, видя, как закутан пассажир, попытался завязать беседу, но после пары холодных ответов Цзян Цы быстро умолк.

Выйдя из машины, Цзян Цы глубоко вздохнул. Каждый визит в тюрьму давил на сердце. Раньше это было чувство вины перед отцом за собственную беспомощность, но теперь всё иначе.

Он вернет дом. Он должен порадовать отца.

Как только он оплатил проезд, пришло уведомление из банка. Баланс карты... один, два, три, четыре... семь нулей?

У Цзян Цы расширились зрачки. Тут и гадать нечего — это деньги Шан Синьюэ.

— Парень, пока человек жив, всё можно преодолеть, жизнь ведь длинная, — водитель, выходя из машины, сунул ему в руки кусок свежего тофу.

Цзян Цы опустил взгляд, пряча потрясение и тревогу. Глядя на тофу, он тихо поблагодарил мужчину.

До освобождения отца еще далеко, пусть этот тофу станет для него домашним ужином — приготовит мапо-тофу.

Разговаривая с отцом через стекло по телефону, Цзян Цы закусил губу. Он раздумывал, как сказать, что через три дня вернет их дом.

— Дочка, что ты хотела сказать? Не переживай, у меня здесь всё хорошо, в тюрьме не так уж и тяжело, как я думал.

Голос Цзян Чэна был громким и бодрым, по нему было слышно, что он полон сил.

Цзян Цы немного помедлил и всё же решил поделиться радостью:

— Я скоро верну наш дом.

Цзян Чэн замер и машинально спросил:

— Откуда у тебя деньги?

Он прекрасно знал, сколько стоит их дом.

— Я нашла богатую покровительницу, — Цзян Цы выбрал причину, которая казалась ему наименее постыдной.

— Богатую покровительницу? Но ведь это женщина... Да и когда я выйду, неважно, где жить, необязательно возвращать старый дом, — на лице Цзян Чэна читалось, что его дочь принесла слишком большую жертву.

Цзян Чэн всю дорогу пытался его отговорить, но Цзян Цы оставался непреклонен. Когда время посещения истекло, он встал и направился к выходу, чувствуя на себе полные зависти взгляды тюремных охранников.

Вернувшись в свое убежище под мостом, Цзян Цы не решился возвращаться в старую

квартиру. Шан Синьюэ так сильно настроил против него людей, что он боялся: кто-нибудь взломает замок и вломится к нему ночью, чтобы избить.

Цзян Цы попытался вернуть деньги на счет Шан Синьюэ, но тот тут же отправил их обратно с припиской:

— Если не примешь, я пришлю тебе свою черную карту лично.

Цзян Цы поспешно сдался. Он уже начал опасаться этого хитроумного гая.

— Пусть это будет плата за навлеченную ненависть, — решил он, глядя на огромную сумму.

На рассвете Цзян Цы проснулся от беспокойства, словно кто-то пристально наблюдал за ним. Эта мысль заставила его мгновенно вскочить.

Открыв глаза, он понял, что это не было ошибкой. Кто-то действительно стоял у входа под мостом и безмолвно смотрел на него.

Незнакомец стоял против света, волосы были собраны, в левой руке он держал зонт с ручкой, инкрустированной изысканным рубином. Фигура была окутана тенью черного зонта, и выражение лица разобрать было невозможно. Цзян Цы испуганно сел, незнакомец сделал шаг вперед и небрежно взглянул на него.

— Доброе утро, Цзян Цы.

Голос прозвучал неожиданно сладко.

— З-здравствуйте, — пробормотал Цзян Цы. Кто это? Как он его нашел? И зачем в ясный день раскрывать зонт?

Незнакомец стоял у его кровати, заставляя сердце Цзян Цы замирать от страха, и при этом еще имел наглость здороваться?

— Я звал тебя трижды, ты спал очень крепко.

Цзян Цы: ...

Он почувствовал, как внутри закипает гнев, но собеседник тут же перевел тему, и запал пропал.

— Приятно познакомиться, я Шан Сяньюэ, старший брат Шан Синьюэ.

Сердце Цзян Цы пропустило удар: Неужели он пришел лично требовать обратно деньги, которые Шан Синьюэ дал ему в качестве платы за травлю?

Чем он заслужил, чтобы глава семьи Шан лично пришел за деньгами?

— Я никогда не лезу в карманные расходы Синьюэ, можешь не возвращать.

Шан Сяньюэ легко взглянул на него:

— Но увидев тебя, я понял, почему он выбрал именно такую форму извинения.

Цзян Цы озадаченно моргнул.

— Это компенсация за твой моральный ущерб, — лаконично пояснил Шан Сяньюэ.

Цзян Цы: ...

Вчера моральный ущерб действительно был колоссальным, хотелось ругаться. Он не знал, что ответить, и просто смотрел на него с каменным лицом.

Взгляд Шан Сяньюэ не отрывался от Цзян Цы, он улавливал каждое мимолетное движение его лица и тихо усмехнулся.

Только сейчас Цзян Цы почувствовал, что они с Шан Синьюэ действительно братья — у них обоих была эта манера усмехаться с одинаковой интонацией.

— Зачем вы на самом деле пришли? — недовольно прервал его Цзян Цы.

Шан Сяньюэ опустил взгляд:

— Травмы Синьюэ очень серьезные. Семейный врач подозревает сотрясение мозга, сейчас он в больнице.

Цзян Цы расширил глаза. Неужели его удар был настолько мощным?

— Он лежит в палате и кричит, что не будет принимать лекарства, пока не увидит тебя.

Шан Сяньюэ не договорил, но Цзян Цы уже понял, чего от него хотят.

Он осторожно спросил:

— А можно я не поеду?

Шан Сяньюэ:

— Можно.

Цзян Цы выдохнул. Глава семьи есть глава семьи, человек широкой души.

Шан Сяньюэ добавил с полуулыбкой:

— Можешь попробовать.

Цзян Цы: ...

Эта не терпящая возражений угроза... точно, одна семейка.

Шан Сяньюэ развернулся и пошел прочь. Цзян Цы обиженно поплелся следом: он понимал, что у Шан Сяньюэ найдется тысяча способов заставить его поехать добровольно.

Выйдя из-под моста, Цзян Цы наконец-то рассмотрел Шан Сяньюэ. Его глаза округлились: кончики волос, спадавших на опущенные руки, были серебристо-белыми!

Шан Сяньюэ — панк!

Цзян Цы замороженно перевел взгляд с серебристых прядей выше и утонул в розовых, прозрачных, как кристалл, глазах. Лицо Шан Сяньюэ очень походило на лицо брата, только родинка под глазом была одна, но серебряные волосы и розовые глаза... Он никогда в жизни не видел, чтобы такие цвета смотрелись так естественно.

Серебряные волосы, розовые глаза! Если бы он был другого пола, он стал бы его судьбоносной женой.

— Солнце печет? — Шан Сяньюэ наклонил зонт. — Иди ко мне под защиту, мне нельзя на солнце.

Цзян Цы, мысленно ругая себя за слабость, быстро нырнул под зонт.

Лян Цзянь ждал старшего господина с пяти тридцати до восьми тридцати. Он уже начал подозревать, что тот случайно попал под солнце и «растаял». Он несколько раз подходил проверить, но черный зонт всё так же неподвижно торчал на месте.

Неужели он до смерти избил виновника травм младшего брата? Вчера вечером старший господин, увидев лицо брата, долго и ядовито насмеялся над ним.

Лян Цзянь чувствовал себя не в своей тарелке, раздумывая, не вызвать ли заранее скорую.

Услышав шаги, он наконец успокоился и обернулся:

— Старший господин, вы ведь не забили его до... О черт!

Обернувшись, Лян Цзянь увидел лицо Цзян Цы, прекрасное, как у небожителя. Он на мгновение оцепенел, решив, что перегрелся на солнце, его душа улетела в рай, и он видит ангела, ступающего по солнечному свету.

В тот миг, когда он увидел Цзян Цы, время словно остановилось, и каждое биение сердца было посвящено только ему.

Скользнув взглядом вверх от плеч Цзян Цы, он встретился с холодными, ледяными розовыми глазами старшего господина и внезапно пришел в себя.

Вдруг старший господин показался ему невероятно раздражающим.

Лян Цзянь промолчал, услужливо бросившись вперед, чтобы выразить свою заботу. На коже Цзян Цы, что была открыта взору, не было ни единой царапины — видимо, даже старший господин не смог устоять перед красотой Цзян Цы.

Впрочем, кто вообще смог бы поднять руку на такого человека?

Когда старший господин и Цзян Цы сели в машину, Лян Цзянь сложил черный зонт и вдруг кое-что осознал.

Он ведь несколько раз проверял, и зонт не сдвинулся ни на дюйм. Это значит, что старший господин наблюдал за спящим Цзян Цы с пяти тридцати до восьми тридцати?!

Какой же он всё-таки извращенец.